
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
МИНИНКОВ Н. А. ДОНСКОЙ ИСТОРИК ЕСАУЛ ЕВЛАМПИЙ
НИКИФОРОВИЧ КАТЕЛЬНИКОВ. – РОСТОВ н/Д. : ЛОГОС, 2011. – 170 с.

В. Я. Мауль

Поступила в редакцию 25 октября 2012 г.

Монография известного ученого Николая Александровича Мининкова написана в уже привычном для него и хорошо зарекомендовавшем себя в историографии жанре интеллектуальной биографии, где личная жизнь и творческая деятельность изучаемого персонажа тесно переплетаются с широким культурно-историческим контекстом эпохи. В отличие от распространенных в литературе жизнеописаний великих людей прошлого, чьи поступки имели решающее значение для судеб мира, в центре данного повествования оказывается не «герой» в привычном значении слова, а личность, не слишком «растиражированная» в науке и исторической памяти. Автор считает Евлампия Никифоровича Кательникова вполне «типичным донским казаком», «человеком второго плана», и в масштабе отечественной, или тем более, всеобщей истории это, наверное, действительно так. Однако в то же время его нельзя назвать фигурой совершенно безликой и незаметной. Он был достаточно хорошо известен в широких кругах донской общественности своего времени, и даже в высших административных и церковных сферах Российской империи первой четверти XIX в. о нем знали не понаслышке.

Из-под опытного пера исследователя перед нами предстают различные срезы жизненного пути неординарной личности, поднимается несколько стержневых проблем, словно красной нитью пронизывающих его непростую судьбу: 1) авторитетный и образованный казак, воин, есаул, ветеран боевых действий, в том числе заграничного похода русской армии против Наполеона; 2) патриот родной земли, донской быто- и историописатель; 3) борец за духовную чистоту православной веры и глава секты духоносцев; 4) просто человек и семьянин. Выбором этих сюжетов обусловлены и структурная композиция монографии, ее четкое деление на главы и параграфы. Важным дополнением являются также опубликованные в книге приложения, включающие в себя ряд источников, составленных самим есаулом или рассказывающих о его жизни и делах.

В изложении автора Е. Н. Кательников показан как человек творческий, склонный к языкам (знал французский, немецкий, позднее – польский и, возможно, еврейский), начитанный и грамотный. Прирожденные способности, особая ментальная атмосфера на Дону, все еще помнящем о былых вольностях, и несомненное родительское влияние стали, по мнению исследователя,

детерминантами особенностей складывавшейся личности есаула. Проанализировав имеющиеся в источниках и литературе сведения, автор характеризует уроженца Верхнекурмоярской станицы как «религиозного сектанта и бунтаря» (с. 124). Любопытно, что на расстоянии буквально в несколько километров располагалось другое, куда более известное из истории казачье поселение – Зимовейская (во времена Е. Н. Кательникова – Потемкинская) станица, родина двух других великих бунтарей С. Т. Разина и Е. И. Пугачева. Хотя относительно места рождения первого из них и существуют некоторые сомнения. А поблизости от нее – Есауловская станица, атаманом которой долгое время считали И. Ф. Некрасова, видного участника Булавинского восстания. Можно предположить, что сам непримиримый дух свободолюбивого края способствовал периодическому появлению здесь таких людей, и очень жаль, что в книге данное обстоятельство осталось «за кадром».

Значительную роль в генезисе «картины мира» Е. Н. Кательникова автор отводит его отцу – станичному писарю Никифору Ермоловичу, человеку грамотному и отличавшемуся «религиозным фанатизмом» в борьбе с распространенным в регионе старообрядчеством. Не случайно, что и самого Е. Н. Кательникова «все, относившееся к христианской вере, не только живо интересовало, но и глубоко волновало» (с. 17), а, в конечном счете, стало причиной его жизненной драмы и смерти в соловецкой неволе.

Благодаря своим качествам он заметно выделялся в массе рядовых казаков и поначалу пользовался у них уважением, активно участвовал в решении важных для своей станицы дел и даже избирался станичным атаманом. Семейная жизнь Е. Н. Кательникова не отличалась чем-то необычным – типичная матримониальная история донского казака. Женился на девице своего круга, жил собственным домом, имел шестерых детей. Скорее всего, отношения внутри «ячейки общества» строились на характерных для того времени традициях патриархальности, когда главенствующая роль принадлежала именно мужчине, на нем лежала обязанность полного обеспечения и поддержания в семье строгого порядка казачьего быта. Поэтому автор, приводя немногочисленные свидетельства «родительской строгости есаула и побоев своих детей» (с. 112), не считает, что это хоть сколько-нибудь умаляет достоинства изучаемого им персонажа.

Заметим, что историк, освещая жизнь Е. Н. Кательникова, стремится придерживаться осторожных и

взвешенных оценок. И, тем не менее, как любому добросовестному автору, скрыть симпатии к своему «герою» ему не всегда удается. Это особенно заметно при описании конфликтов, не раз вспыхивавших в станице Верхнекурмоярской и за ее пределами, инициатором которых зачастую выступал именно Е. Н. Кательников. По приведенным в книге примерам вполне может показаться, что отличался он исключительно вздорным характером. Этаким тип ревностного правдоискателя, каких обычно никто и нигде не любит. В то же время оказывается, что и сам он не всегда был в ладах с законом, как светским, так и духовным, порой «злостно нарушал традиции казачьего самоуправления» (с. 68) и даже несколько раз находился под следствием. Иногда у казаков возникали сомнения в его нравственной чистоплотности и подозрения по поводу участия в финансовых аферах с общественными деньгами. Конечно, бывало, что «выступавшие в роли свидетелей станичники давали в основном благоприятные для него показания» (с. 33). Но случалось и по-другому, когда, например, «тридцать девять земляков-станичников свидетельствовали против есаула» (с. 68). Причем видно, как их отношение к Е. Н. Кательникову с течением времени менялось в худшую сторону. По крайней мере, у них имелись все основания считать его личностью, «легко устраивавшей скандалы, склонной к девиантному поведению, способной нарушать порядок церковной службы и проведения станичных собраний» (с. 69). Несовпадение интересов личности и общества, таким образом, было очевидно, и едва ли всегда надо искать правду на стороне образованного есаула, дезавуируя хотя и единичные, но крайне нелицеприятные сведения о нем. Возможно также, что мы сталкиваемся здесь с аксиоматичной ситуацией, хорошо известной на примере других исторических персонажей: талантливые люди редко бывают мирными и покладистыми в повседневной жизни.

Согласно взвешенному мнению Н. А. Мининкова, существенное влияние на Е. Н. Кательникова оказала эпоха наполеоновских войн. Историк не единожды и на разных страницах сознательно акцентирует эту вполне справедливую мысль. Заграничный поход 1813–1814 гг., в котором ему довелось принять непосредственное участие, значительно расширил культурный кругозор казака-самоучки, познакомил его с разнообразным обиходом многих европейских народов, столь не похожим не только на донскую повседневность, но и на российскую действительность в целом. Патриотический подъем населения времен «грозы 1812 года» оказался эмоциональным катализатором единения всех россиян, независимо от их чина и звания. Не был исключением и есаул Е. Н. Кательников. Осознание величественности совершенного русской армией подвига, роли донского казачества в одержанной победе усиливало чувство национальной гордости и пробуждало интерес к истории родного края – большой и малой родины. Неудивительно, что после войны отечественная историко-

графия получила мощный идейный импульс к развитию. В том числе за перо взялся и Евлампий Никифорович Кательников, подготовленный к этому всей своей предшествовавшей жизнью и воочию ощутивший интерес к донской истории и культуре, который вызвал в Европе появление казаков. В результате, ему удалось представить «заинтересованному читателю исторический образ казачества в его повседневной жизни в прошлом и настоящем на примере своей родной станицы» (с. 123).

«Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний», – так называлось написанное им в 1818 г. обстоятельное сочинение, которое, как полагает автор монографии, «поставило его в ряд известных историков» (с. 124).

Анализируя исторические взгляды Е. Н. Кательникова, Н. А. Мининков считает, что они формировались на основе принципа историзма, характеризовались повышенным вниманием к национальной истории и культуре в их локально-региональном выражении, отличались пониманием необходимости историко-географического подхода, историко-лингвистическими экскурсами, ясным литературным языком произведения и т.п. Все это дает автору основание для утверждения, на наш взгляд, не совсем обоснованного, о том, что историк-есаул был глубоко включен в передовые идейные течения общественной мысли рубежа XVIII–XIX вв. Он полагает, что сочинение Е. Н. Кательникова «стало на уровень высоких образцов современной ему русской культуры, в которых нередко, в соответствии с особенностями культуры эпохи романтизма, соединялись достоинства исторического труда и произведения, написанного писателем» (с. 67).

Впрочем, соглашусь с тем, что, будучи своевременно опубликованным, труд Е. Н. Кательникова, благодаря своему содержанию, был бы «обречен» на читательский успех не только у нас, но и за границей. Однако в отличие от мнения автора думаю, что это могло произойти в силу обстоятельств, никак не связанных с романтическими исканиями тогдашней интеллигенции. Известно, что романтизм в тот период делал только первые шаги, начиная постепенно проникать в среду образованной элиты, и едва ли эти культурные веяния сразу же захватили есаула, отразившись в его творческой деятельности. Сам автор подчеркивает, что Е. Н. Кательников «никакого воздействия образованной среды, уже складывавшейся в то время в России, не испытывал, был полностью вне этой среды» (с. 122). Его «университеты» были иными, а учителем оказывалась нелегкая жизнь донского казака, но не философский романтизм Ф. Шеллинга или философско-исторические построения Г. Гегеля. Не случайно в приведенном перечне книг из библиотеки есаула мы встречаем только разного рода грамматики, словари, драмы, басни и литературу духовного содержания (с. 109). Поэтому причины вероятной популяр-

ности исторического сочинения Е. Н. Кательникова, как нам кажется, лежали совсем в иной плоскости, не связанной с его методологическими или литературными достоинствами.

Не секрет, что события 1812 г. и не редкие выступления социальных низов того и последующего времени, прокатившиеся по Европе и России, отчетливо показали, что народ не хотел больше «безмолвствовать» в истории, мириться со своей ролью «бессловесной скотины». Своими «манифестациями» он заявлял о себе во весь голос и требовал равного права на уважение. Стремление понять причины и смысл социальных пертурбаций, произошедших на глазах изумленных современников, предопределяло интерес ученых к ранним страницам жизни простонародья. Добавим также сюда еще не выветрившиеся из памяти воспоминания о Пугачевском бунте, в котором заглавную роль играли именно казаки. Отсюда и тот повышенный интерес к особенностям жизни этих загадочных «винов и бунтарей», который все еще фундировался старым мифом о «благородных дикарях» и был совершенно не удовлетворен имевшейся историографией.

В таком контексте понятно, насколько востребованным читателями могло оказаться произведение Е. Н. Кательникова, а потому его сопоставление с трудами таких донских историописателей, как А. И. Ригельман, В. Б. Броневский, В. Д. Сухоруков выглядит вполне правомерным. На этом комплиментарном фоне «Историческое сведение» действительно оказалось глубоким и оригинальным вкладом Е. Н. Кательникова в изучение родного края в целом на частном примере истории своей станицы.

Была у казачьего есаула и еще одна важная грань жизни, более всего привлекавшая к себе внимание отечественной историографии и даже затмившая в глазах потомков его личность «замечательного писателя и историка» (с. 124). Речь идет о взглядах и деятельности Е. Н. Кательникова во главе секты донских духовосцев, которые обуславливались не только его собственными личностными чертами, но и издавна сложившейся сложной религиозной ситуацией на Дону, а также пропитанной мистицизмом атмосферой в стране, характеризовавшей деятельность Российского библейского общества и духовные поиски императора Александра I.

Пожалуй, именно эту часть монографии следует признать наиболее удачной, цельной и последовательной, что, возможно, объясняется лучшей разработанностью данных сюжетов в исторической науке. Ссылки на работы А. Н. Пыпина, Н. К. Пиксанова, В. Н. Жмакина, А. А. Кириллова, Ю. Е. Кондакова и

др. являются тому красноречивым подтверждением. Да и по общему объему текста эти главы превосходят прочие разделы рецензируемого исследования.

Автор написанного в начале 1820-х гг. сочинения «Начатки с Богом остраго серпа в золотом венце» показан здесь как яркий религиозный мыслитель, отвергавший церковную ортодоксию своего времени и считавший возможным путь индивидуального спасения через непосредственное духовное единение человека и Иисуса в обстановке наступившего конца света и грядущего второго пришествия. В трактовке Е. Н. Кательникова, таким образом, органично переплетались эсхатологические и хилиастические мотивы, затрагивавшие конечные судьбы мира и роли Спасителя. В этой ипостаси воплощенного Христа есаул и его сторонники видели Александра I, приписывая ему мессианские способности. Интересно, что творческое переосмысление духоносцами догматических христианских идей органично вписывается в контекст религиозных исканий разного рода сектантов XVIII столетия, оказываясь их естественным продолжением, а сам Е. Н. Кательников, отождествляемый с Иоанном Предтечей, встает в один ряд с многочисленными самозванными лжепророками. По крайней мере, именно так восприняли его концепцию церковные ревнители «истинного благочестия» и их высокопоставленные покровители. К сожалению, в монографии данный аспект проблемы не нашел развернутого отражения, что могло бы стать ценным вкладом в изучение феномена российского самозванчества на религиозной почве.

Остается еще отметить акцентированную в монографии авторскую мысль о том, что попытки Е. Н. Кательникова повлиять на высшие духовные и светские круги с помощью неканонического учения, к тому же возникшего на территории и без того подозрительного в глазах властей Дона, по сути дела, предрешили судьбу опального есаула и его единомышленников. Сам он был арестован и окончил жизнь в Соловецком монастыре, а деятельность секты духовосцев была прекращена.

В заключение можно согласиться с итоговым выводом исследования, что донской есаул «прожил непростую, яркую и в то же время трагическую жизнь», благодаря которой его судьба и творчество сделались интересными «для позднейшей российской и донской культуры» (с. 124). Неоспоримо в связи с этим, что сама монография Н. А. Мининкова, познакомившая нас с неординарной личностью Е. Н. Кательникова, является существенным вкладом не только в развитие донской историографии, но и российской исторической науки в целом.

Тюменский государственный нефтегазовый университет

Мауль В. Я., профессор кафедры гуманитарно-экономических дисциплин

E-mail: nauka@tsogi.ru

Тел.: 8(3466) 24-33-34

*Tyumen State Oil and Gas University
Maul V. Ya., Doctor of Historical Sciences, Professor of
the Humanities and Economic Disciplines Department*

E-mail: nauka@tsogi.ru

Тел.: 8(3466) 24-33-34